

Пока Ли Фаньинь полностью не исчез из его поля зрения, все его эмоции наконец вырвались наружу.

Он опустился на стул, и на его обычно холодном лице появилось редкое выражение растерянности. Он был таким же одиноким, как всегда, и теперь его одиночество стало еще глубже, вызывая жалость.

— Инь-инь, что же мне с тобой сделать? Эх...

Тихий вздох растворился в воздухе, неся с собой горечь, которую никто не мог понять, и каплю безысходности.

Он молча повернулся и направился в соседнюю комнату для приготовления снадобий, словно насмехаясь над собой:

— Ты ушел, а мне пора готовить пилюли...

Он совсем забыл, что у него есть еще два ученика.

Мэн Цинчэнь опоздал, как и в прошлый раз. Когда он прибыл, Ли Фаньинь уже ушел.

Он стоял под деревом у поля цветов Цзеюй, его зеленая одежда делала его похожим на статую. Его мысли уносились далеко, вспоминая, как Ли Фаньинь недавно ухаживал за цветами.

В своих мыслях он снова увидел ту сцену. Он почти не контролировал себя, подошел к «нему», чтобы помочь поливать цветы. Но как только его рука коснулась «его», тот исчез, и все вернулось на круги своя.

«Почему я всегда не могу тебя поймать?»

Неизвестно, сколько он простоял, но на его плечах уже лежал тонкий слой снега.

В его тихом голосе звучала глубокая печаль. С ним вместе остался ни с чем и Чжу Мо.

А тем временем Ли Фаньинь уже был у подножия горы Цинъянь!

Он стоял на высоте, вглядываясь в место, где он родился. На мгновение он почувствовал, как его сердце наполнилось печалью, хотя он не знал почему. Казалось, прошли миллионы лет, и мир изменился до неузнаваемости!

Он знал, что был мертв, но теперь он снова жил, чтобы найти ответ!

Но что же случилось в прошлом? Почему его воспоминания о том времени становились все слабее, словно их кто-то намеренно стирал?

Эта мысль напугала его.

Он невольно нахмурился, его глаза выражали сложные чувства.

— Инь-ин уже у дома, почему не заходишь?

Рядом с ним раздался холодный, но властный голос. Одновременно с этим чьи-то прохладные пальцы коснулись его бровей.

— Кто огорчил Инь-ина?

Голос приблизился, холодный, но полный заботы и любви.

Ли Фаньинь растерянно поднял голову и встретился взглядом с глубокими, как ночь, глазами, которые, несмотря на свою остроту, излучали тепло.

Не задумываясь, он улыбнулся, показывая доверие и привязанность:

— Папа...

Мужчина стоял с величественной осанкой, его лицо было строгим, но совершенным, словно высеченным из камня. Услышав голос Фаньиня, он остановился, его тонкие губы слегка приподнялись, показывая, что он тоже был счастлив.

Не раздумывая, он прижал Фаньиня к груди.

— Папин Инь-ин...

Его тихий голос был невероятно мягким.

Сталь превратилась в нежность!

Когда Ли Фаньинь и Ли Аньсюань вернулись домой в Цинъянь, Фаньинь не смог сдержать вопрос:

— Папа, когда у меня появилась помолвка?

Услышав это, Ли Аньсюань взглянул на Фаньиня и медленно начал рассказывать о некоторых событиях прошлого:

— Когда ты был маленьким, здоровье твое было неплохим, но с возрастом ты становился всё слабее. Один бессмертный-отшельник, получивший от меня милость, вычислил, что до восемнадцати лет у тебя должна быть судьбоносная связь, то есть помолвка в детстве! Я не верил, но ты словно был проклят. Твое здоровье ухудшалось, и даже моя ежедневная передача духовной энергии не помогала! Тогда я договорился о помолвке с сыном главы другой секты. После этого твое здоровье стало улучшаться!

Ли Фаньинь, глядя на слегка омраченное лицо Ли Аньсюаня, мог представить, как сильно его отец переживал за него, и почувствовал глубокое чувство вины.

Он поднял глаза, его взгляд был сложным:

— Я был неблагодарным сыном, с детства заставлял тебя беспокоиться... Я...

Он хотел продолжить, но Ли Аньсюань поднял палец к его губам, ощущая их мягкость, как лепестки цветка, и сказал:

— Инь-ин — это папино сокровище, так не думай...

После этих слов он, казалось, утешал его. На его обычно холодном лице появилась мягкость, а в глазах, словно в ночном небе, сияли миллионы звезд.

Ли Аньсюань говорил мало, но Фаньинь чувствовал его глубокую любовь и терпимость. Он

давал ему полную свободу, ничего не говоря. Такой отец вызывал у Фаньиня еще больше вины и уважения.

Его взгляд стал более теплым и привязанным, без тени отчуждения, которое могло бы появиться из-за долгой разлуки.

Комната Ли Аньсюаня была такой же, как и он сам — холодной и строгой, с преобладанием синих тонов.

Единственным ярким пятном был пышно растущий цветок Ланьсиньцао у кровати, который добавлял комнате немного жизни.

Судя по его состоянию, за ним тщательно ухаживали.

— Не думал, что папа до сих пор держит его!

Ли Фаньинь, заметив цветок, не смог сдержать улыбки и шутливо сказал:

— Хе-хе... Не ожидал, что папа такой заботливый и нежный! Это он счастье три жизни копил!

Ланьсиньцао был подарком, который Фаньинь в детстве подарил Ли Аньсюаню на день рождения. Он просто хотел подшутить над своим строгим отцом, чтобы увидеть, как тот будет серьезно ухаживать за цветком.

Но тогда это было лишь мимолетной прихотью, а он и не думал, что отец воспримет это всерьез.

— Что подарил Инь-ин, тому папа обязан ухаживать хорошо, — сказал Ли Аньсюань, подойдя к Фаньиню.

Услышав это, Фаньинь не стал продолжать шутки и сменил тему:

— Папа, ты вызвал меня из-за помолвки?

Он посмотрел на Ли Аньсюаня.

— Они хотят расторгнуть помолвку!

Через мгновение раздался голос Ли Аньсюаня, и Фаньинь почувствовал в нем сильный гнев.

— О? Расторгнуть?

Ли Фаньинь вдруг заинтересовался.

— Значит, меня бросили? Хе-хе...

— Инь-ин... ты...

Ли Аньсюань, казалось, подумал, что Фаньинь расстроен, и хотел утешить его, но слова застряли на губах.

— Папа, не волнуйся, я в порядке, просто...

Он посмотрел на Ли Аньсюаня, и в его глазах мелькнул блеск:

— Я уже взрослый, и сам разберусь с этим!

На лице Ли Фаньиня была решимость, и Ли Ансюань понял, что он уже принял решение.

— Тогда я пойду с тобой?

— Нет, папа, просто подожди меня... — Ли Фаньинь улыбнулся загадочно. — Ведь быть брошенным звучит довольно интересно, не так ли?

Только сейчас Ли Ансюань понял, что его Инь-инь вырос, и больше не был тем ребенком, которого он мог защищать.

В его черных, как чернила, глазах мелькнула тень печали.

Но он больше ничего не сказал. С его гордостью, если бы не Инь-ин, он бы уничтожил тех, кто осмелился оскорбить его имя!

Хотя эта помолвка всегда была для него как кость в горле. Теперь, когда другая сторона сама разорвала ее, он чувствовал гнев, но в глубине души был бесконечно рад.

<http://bllate.org/book/16649/1525316>